

На правах рукописи

Гаврилов Вячеслав Вячеславович

**МЕЖДУНАРОДНАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ: ПОНЯТИЕ
И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Специальность 12.00.10 – Международное право. Европейское право

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Казань – 2006

Работа выполнена на кафедре международного права
ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет»

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор
Геннадий Владимирович Игнатенко

доктор юридических наук, профессор
Юрий Михайлович Колосов

Доктор юридических наук, профессор
Сергей Юрьевич Марочкин

Ведущая организация:

Российский университет дружбы народов

Защита диссертации состоится 12 мая 2006 г. в 10 часов на заседании Диссертационного совета Д. 212.081.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, ауд. 324.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

Автореферат разослан марта 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Каюмова А.Р.

Гаврилов Вячеслав Вячеславович

**Международная и национальные правовые системы:
понятие и основные направления взаимодействия**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Подписано в печать 1 февраля 2006 г.
Формат 60x84x1/16. Усл.-печ.л. 2,5.
Тираж 150 экз. Заказ 17.

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27.

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности темы исследования. Новые тенденции мирового общественного развития, обозначившиеся в конце XX – начале XXI века, поставили перед наукой ряд сложных теоретических и практических задач, от эффективного решения которых во многом будет зависеть выбор стратегического направления дальнейшего развития человеческой цивилизации. Главнейшая из этих задач, на наш взгляд, заключается в определении содержательных характеристик будущего мирового порядка, в создании необходимых механизмов и процедур его построения и функционирования. Постановка указанной проблемы не в последнюю очередь связана также с глобальной трансформацией окружающего нас мира. Сегодня перед человечеством открылись невиданные ранее возможности для процветания и вместе с этим возникли новые угрозы. На повестке дня — скорейшее осмысление корней и истоков глобальных процессов и выработка основополагающих ориентиров для развития России и других государств в новых исторических условиях¹.

В процессе реорганизации мировой общественной системы, постепенного повышения степени ее управляемости существенно возрастает роль права, а, следовательно, и дальнейшего теоретического осмысления вопросов его понятия, структуры, функционирования и связи с другими явлениями окружающей действительности. Как совершенно справедливо отмечает А.М. Васильев, «от степени разработки категорий теории права и их системы, от умения оперировать ими на уровне диалектической и прикладной юридической логики во многом зависят доказательность и практическая отдача правовых научных знаний»². Указанное замечание справедливо применительно и к международному праву, а также к другим международным нормативным конструкциям, которые выдвигаются сегодня на первый план в системе ценностей мирового сообщества, являясь необходимым инструментом поддержания порядка в сложной системе международных отношений³.

Все это предопределяет необходимость интенсификации сотрудничества между юристами-международниками и представителями отраслевых юридических наук с тем, чтобы прийти к единому пониманию роли и значения международного и национального права в современном мире, определить основные параметры их соотношения и перспективного взаимодействия. Год от года это сотрудничество становится все более заметным и практически значимым.

Вместе с тем приходится признать, что соответствующие исследования до сих пор осуществляются, применительно, главным образом, к системам

¹ См.: Кочетов Э.Г. Основные характеристики глобализационного процесса и правовое измерение мира // Журнал российского права. – 2003. – № 3. – С. 88.

² Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М., 1976. – С. 13.

³ См.: Лукашук И.И. Глобализация и международное право // Международное право. – 2001. – Специальный выпуск. – С. 25.

международного и внутригосударственного права в их нормативном закреплении. Поэтому другие важные явления правовой действительности, без которых невозможна эффективная реализация правовых норм, остаются вне поля зрения ученых или рассматриваются ими изолировано друг от друга. Данное обстоятельство способствует неоправданному упрощению и искажению, как на доктринальном, так и на практическом уровнях, представлений о существе и содержании механизма взаимодействия национальных и международных правовых норм и, как следствие, способно привести к серьезным ошибкам юридического и политического характера в деятельности значительного количества органов и организаций различного уровня.

Настоящая работа призвана в определенной степени восполнить указанный недостаток. В ее рамках алгоритм взаимодействия международной и национальных «проекций» правового феномена раскрывается через характеристику взаимного влияния не только соответствующих нормативно-правовых конструкций, но и юридической практики, правосознания, а также ряда институционных структур, образующих в своей совокупности содержание категорий международной и национальных правовых систем. Представляется, что такой подход способен значительно приблизить к действительности теоретические представления о соотношении международных и национальных правовых норм и сделать гораздо более эффективной их практическую отдачу на различных этапах регулирования правотворческого и правоприменительного процессов.

Кроме того, в работе поднимается ряд других сложных и важных проблем теории международного права, от решения которых, по нашему мнению, во многом будет зависеть направление дальнейшего развития отечественной международно-правовой доктрины в целом. В их числе вопрос о расширении субъектной основы и сферы действия современных международных правовых норм, их системной классификации, характеристика достоинств и недостатков основных теоретических концепций согласования норм международного и внутригосударственного права, анализ юридического механизма действия международных правовых норм в правовых системах современных государств и некоторые другие.

Объектом диссертационного исследования являются теоретико-правовые, социально-политические и специально-юридические отношения, явления и концепции, определяющие содержание процесса создания и реализации международных и внутригосударственных правовых норм. В его **предмет** входят понятие и содержание категорий «международная правовая система» и «национальная правовая система», рассмотренные в динамике их эволюции и взаимодействия.

Цель и задачи исследования. Основная цель работы состоит в постановке и решении на основании выполненных диссертантом исследований крупной научной проблемы по разработке фундаментальных теоретических основ понятия и содержания новой для отечественной доктрины категории «международная правовая система», в выявлении ее ключевых компонентов, а также в комплексном изучении предпосылок и основных направлений их

взаимодействия с соответствующими компонентами национальных правовых систем. В соответствии с поставленной целью определен круг взаимосвязанных задач, теоретическое решение которых составляет существо диссертационного исследования. В общем виде их содержание сводится к следующему:

- охарактеризовать эволюцию развития концепции правовой системы в отечественной и зарубежной правовой доктрине во второй половине XX — начале XXI века, выявить перспективные тенденции этого процесса;
- на основе критического анализа точек зрения, представленных в рамках общей теории права, дать определение и раскрыть содержание понятия «национальная правовая система», рассмотреть вопрос о возможности его использования в рамках теории международного права;
- теоретически обосновать существование международной правовой системы как конструкции, отличной от системы норм международного права, определить характерные признаки и содержание ее компонентов;
- проанализировать общественно-политические, экономические и специально-юридические предпосылки взаимодействия международной и национальных правовых систем в современном мире;
- рассмотреть основные направления их взаимодействия на нормативном, институциональном и идеологическом уровнях;
- представить авторское видение проблемы соотношения международного и внутригосударственного права, исследовать сильные и слабые стороны теорий согласования их норм и установить соответствие этих концепций современному уровню развития и взаимодействия международной и национальных правовых систем;
- раскрыть существо механизма имплементации международных правовых предписаний в правовых системах государств, представляющих основные правовые семьи и регионы мира, включая Российскую Федерацию;
- выявить факторы, оказывающие позитивное и негативное влияние на функционирование механизма имплементации международных правовых предписаний.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Методологической основой диссертации является диалектический метод научного познания, а также комплексный системный подход к анализу ряда фундаментальных понятий и категорий общей теории права и теории международного права. При написании работы использовался комплекс общенаучных и специальных правовых методов исследования, включая системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, синергетический методы, а также методы логического анализа и синтеза, перехода от простого к сложному и от абстрактного к конкретному.

В работе над диссертацией автор опирался на современные достижения философии и политологии, что не только способствовало комплексному изу-

чению международной и национальных правовых систем в качестве особых политико-правовых феноменов, но и отвечало интересам отграничения собственно юридических аспектов их становления и развития от иных социально-политических факторов, оказывающих влияние на формирование и функционирование этих системных конструкций.

Теоретической основой исследования стали труды таких известных отечественных юристов-международников, как Л.П. Ануфриева, Ю.Я. Баскин, С.В. Бахин, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев, В.С. Верещетин, Д.А. Гаврилин, Л.Н. Галенская, Г.М. Даниленко, В.И. Евинтов, Б.Л. Зимненко, Г.В. Игнатенко, В.А. Канашевский, А.Я. Капустин, Ю.М. Колосов, Г.И. Курдюков, М.В. Кучин, Д.Б. Левин, И.И. Лукашук, С.Ю. Марочкин, Л.Х. Мингазов, Н.В. Миронов, Р.А. Мюллерсон, Т.Н. Нешатаева, С.Л. Рогожин, А.А. Рубанов, В.Я. Суворова, А.Н. Талалаев, О.И. Тиунов, Г.И. Тункин, Н.Е. Тюрина, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушаков, Д.И. Фельдман, О.Н. Хлестов, С.В. Черниченко, Е.А. Шibaева, В.М. Шумилов и ряда других.

При подготовке работы автором было уделено большое внимание обобщениям и выводам, содержащимся в исследованиях представителей науки общей теории права С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, А.М. Васильева, Д.А. Керимова, Т.В. Кухарук, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.Д. Первалова, С.В. Полениной, А.В. Полякова, В.В. Сорокина, Л.Б. Тиуновой, Ю.А. Тихомирова, Л.С. Явича и др.

Помимо этого в диссертации нашли отражение взгляды таких выдающихся зарубежных юристов и политологов, как Д. Бедерман, Р. Бранд, Я. Броунли, К. Ваквес, Дж. Гинзбургс, Р. Давид, Дж. Делбрук, Ф. Джессеп, Г. Кельзен, Г. Кох, У. Маттеи, Г. Моргентау, К. Океке, Ф. Пирсон, Дж. Рочестер, М. Сорнарайях, П. Спиро, Ф. Тримбл, Г. Трипель, Л. Хенкин, Р. Хиггинс, Л. Цхаоджи, М. Шоу, анализ работ которых позволил автору более полно представить себе предмет исследования и лучше аргументировать содержащиеся в нем предложения и выводы.

Нормативную основу диссертации составили конституции и законы Российской Федерации и зарубежных государств, международные договоры и документы международных организаций, акты судебных органов. Для поиска иностранных и отечественных доктринальных и судебных источников и работы с ними автором широко использовались американская и российская электронные базы данных по юриспруденции «Westlaw» и «Консультант Плюс», ресурсы всемирной сети Интернет.

Научная новизна исследования и основные положения, выносимые на защиту. Настоящая диссертация представляет собой первое в отечественной юридической литературе комплексное монографическое исследование фундаментальных теоретических и прикладных проблем, связанных с обоснованием существования, определением понятия, содержания и структуры международной правовой системы, а также с выявлением предпосылок и основных направлений ее взаимодействия на нормативном, институциональном и идеологическом уровнях с национальными правовыми системами. Значительная часть работы посвящена основанному на авторском видении

проблемы анализу достоинств и недостатков ведущих теоретических концепций соотношения международного и внутригосударственного права и содержания юридического механизма действия международных правовых норм в правовых системах различных государств. В диссертации теоретически и нормативно обоснованы, вводятся в правовую доктрину и выносятся на защиту следующие важнейшие научные результаты и положения:

1. В конце XX – начале XXI века в отечественной и зарубежной международно-правовой доктрине была осознана необходимость подхода к международному праву, не как к застывшей системе юридических предписаний, а как к конструкции, эволюционирующей в процессе ее взаимодействия с внешней социальной средой и оказывающей на нее собственное регулятивное воздействие. Вызванное появлением глобальных проблем и завершением «холодной» войны изменение указанной среды создало необходимые предпосылки для повышения интегрированности мирового сообщества и усиления влияния правовых факторов на его развитие. Кроме того, отличительным признаком современной международной системы стало распространение действия международных правовых норм на широкий круг отношений с участием физических и юридических лиц, фактически получивших статус ее негосударственных акторов.

2. Родовое единство международного и внутригосударственного права как совокупности общеобязательных правил поведения юридического характера дает основание утверждать, что первое, как и второе, лежит в основе своей собственной правовой системы, находящейся в постоянном тесном взаимодействии с правовыми системами отдельных государств.

3. Определение понятия и выявление структуры международной правовой системы должно производиться по аналогии с соответствующими характеристиками национальной правовой системы, которая, в свою очередь, представляет собой характерную для данного государства (общества) целостную совокупность действующих на его территории правовых норм, а также юридических органов, учреждений, организаций и правовой идеологии, обеспечивающих в процессе юридической практики, опосредованной правовой психологией, урегулирование общественных отношений в соответствии с объективными закономерностями развития общества.

4. В соответствии с этим подходом и, учитывая особенности международной правовой системы, ее можно определить как целостную совокупность международных правовых норм, международных органов и организаций, а также международно-правового сознания, обеспечивающих в процессе юридической практики урегулирование выходящих за пределы внутренней компетенции государств общественных отношений, возникающих между субъектами мирового сообщества.

5. Нормативный компонент международной правовой системы не охватывает внутригосударственное и международное частное право, так как первое, как правило, не порождает обязательств и не предоставляет прав для субъектов управляющей подсистемы мирового сообщества – государств, а второе является комплексом нормативных предписаний различной систем-

ной принадлежности и не образует самостоятельной статичной правовой конструкции, которая могла бы стать обособленным элементом нормативного уровня международной правовой системы

Нормы международного «мягкого права» также не могут быть включены в состав нормативной составляющей международной правовой системы. Их следует рассматривать в качестве международных договоренностей или обыкновений, нормативно-регулирующее воздействие которых на поведение субъектов мирового сообщества не имеет юридического характера.

6. Необходимость тесного конструктивного взаимодействия международной и национальных правовых систем предопределяется общественно-политическими, экономическими и специально-юридическими факторами объективного характера, порождаемыми, среди прочего, процессом глобализации окружающего нас мира. Они обуславливают социально-нормативную общность процессов создания, развития и функционирования указанных нормативных системных конструкций.

7. Национальное и международное право, как и другие составляющие нормативных компонентов соответствующих правовых систем, отличается качеством взаимной социальной обусловленности и согласованности, в основе которого лежит содержательное и структурно-содержательное взаимодействие внутригосударственных и международных правовых норм. Они обладают также свойством регулятивной совместимости, что позволяет нормам международного и национального права на этапе практической реализации правовых предписаний объединяться в двусоставные и трехсоставные правоприменительные комплексы в целях регулирования однообъектных общественных отношений.

8. Международные и внутригосударственные органы, учреждения и организации, выступая в качестве составных частей институциональных компонентов международной и национальных правовых систем, организационно и регулятивно обеспечивают их взаимодействие как на этапах правотворчества и правоприменения, так и в процессе контроля за реализацией нормативно-правовых предписаний.

9. Эффективность реализации правовых норм в рамках конкретного государства и в международных отношениях во многом зависит от состояния существующего в том или ином обществе индивидуального и коллективного правосознания, а также от того, насколько интенсивно и в каком направлении оно подвергается внешнему ценностно-ориентационному воздействию. Лишь осознание общности человечества при одновременном принятии особенностей пути развития различных народов и государств может позволить выявить действительно универсальные общечеловеческие ценности и придать международной и национальным правовым системам в целом мощный импульс для дальнейшего развития.

10. Международное и внутригосударственное право представляют собой две разнопорядковые, но тесно взаимодействующие друг с другом системные конструкции. Объем и порядок согласования действия их норм в рамках национальных правовых систем самостоятельно определяется соот-

ветствующим государством. Однако при этом действия отдельных стран по провозглашению международных норм частью права страны или попытки обосновать необходимость их трансформации в национальные правовые нормы лишь вводят в заблуждение, так как системы международного и национального права имеют различную природу, сферу действия, источники и предназначение. Поэтому они объективно не могут быть или становиться частью друг друга.

11. Наиболее близко к действительности существо механизма согласования норм международного и внутреннего права в рамках национальных правовых систем раскрывает теория имплементации. Она рассматривает его не как совокупность различных средств юридической техники, имеющих целью наделение норм международного права силой норм права национально-го, а как комплекс мероприятий, направленных на признание юридической силы и организационное обеспечение осуществления международных правовых норм внутри правовой системы государства. Эти мероприятия могут отличаться друг от друга в зависимости от вида норм, а также предмета и конечной цели международно-правового регулирования.

12. В современном мире не существует единого механизма реализации предписаний международных норм в рамках национальных правовых систем. Государства придерживаются различных взглядов на его содержание: от провозглашения приоритета всех международных правовых норм над положениями внутренних законов и даже конституций, до признания возможности реализации внутри конкретной страны лишь их отдельных разновидностей в специально оговоренных случаях и при соблюдении ряда условий. Тем не менее, постепенное усиление «присутствия» международного права в национальных правовых системах приводит к тому, что в мире начинают формироваться общие подходы к определению критериев действия и применения международных правовых норм внутри государственных границ. В их числе можно назвать, например, критерии самоисполнимости международных договорных норм; признание необходимости ратификации и опубликования договоров, вносящих изменения в законодательство; фактор иерархической соподчиненности отдельных видов международных договоров конкретного государства и их соотносимости с его национальными правовыми актами и др.

Апробация результатов исследования и их практическая значимость. Положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в опубликованных автором монографиях, учебнике, учебных пособиях, статьях в общероссийских юридических журналах, тематических сборниках и сборниках материалов научных конференций общим объемом более 75 печатных листов. Кроме того, результаты исследования использовались при проведении занятий по международному публичному и международному частному праву в Юридическом институте Дальневосточного государственного университета и послужили основой для разработки и чтения спецкурсов «Права человека и международное право» и «Соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права».

По теме диссертационного исследования диссертант выступал с докладами и сообщениями на научных, научно-практических и учебных семинарах, симпозиумах и конференциях, проходивших в Дальневосточном государственном университете и других высших учебных заведениях РФ (1998, 2001, 2003, 2004), Университете Висконсин-Мадисон (штат Висконсин, США, 1996, 2002), Центральном Европейском Университете (г. Будапешт, Венгрия, 1997), Бригэм-Янгском университете (штат Юта, США, 1999), Кеннамском университете (г. Масан, Республика Корея, 2001), Университете г. Сиэтла (штат Вашингтон, США, 2005).

Материалы диссертации, содержащиеся в ней теоретические положения и выводы, могут быть использованы в процессе решения ряда важнейших теоретических и методологических проблем науки международного права, общей теории государства и права, сравнительного правоведения, содействовать их кооперации в решении общих задач, стоящих перед общественными науками на современном этапе развития международного сообщества государств в целом и Российской Федерации в частности. Практическая значимость настоящего исследования определяется также возможностью учета его опорных тезисов, классификаций и логических схем в деятельности международных и внутригосударственных органов, учреждений и организаций, принимающих активное участие в процессах нормотворчества и реализации на практике международных и национальных правовых предписаний.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе, учебной и учебно-методической литературе, в практике преподавания международно-правовых, государственно-правовых и общетеоретических юридических дисциплин в высших учебных заведениях, а также при осуществлении других образовательных и научно-исследовательских проектов и программ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разбитых на одиннадцать параграфов и подпараграфов, заключения и списка использованной литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, его научная новизна, определяются цели и задачи работы, ее объект и предмет, методологические и теоретические источники, формулируются основные научные результаты и положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся сведения об апробации полученных результатов.

В **первой главе «Эволюция концепции правовой системы в отечественной и зарубежной правовой доктрине»** автор обращается к истории становления и развития категории «правовая система» в трудах советских, российских и иностранных авторов второй половины XX – начала XXI века в контексте сопоставления подходов к этой проблеме теоретиков права и юристов-международников.

В *первом параграфе* прослеживается развитие концепции правовой системы в правовой доктрине второй половины XX века.

Диссертант отмечает, что полноценный и всесторонний анализ проблемы взаимодействия международной и национальных правовых систем невозможен без четкого определения предметной базы исследования и соответствующего понятийного аппарата. Тем не менее, в юридической литературе содержание ключевой в этом смысле категории «правовая система» различными исследователями определяется по-разному, что может быть объяснено не только разницей индивидуальных подходов отдельных ученых к данной проблеме, но и их принадлежностью к различным ответвлениям юридической науки и, прежде всего, к сферам науки международного права и общей теории государства и права.

В научных разработках второй половины прошлого века вплоть до конца 80-х годов проводилась линия на четкое разграничение сферы действия внутреннего и международного права, обосновывался тезис о принципиальной невозможности международных правовых норм регулировать общественные отношения, входящие во внутреннюю компетенцию государств. Кроме того, в работах юристов-международников как правило не усматривалось какого-либо различия между системой международного права и международно-правовой системой, а соответствующие понятия употреблялись как равнозначные.

Тем не менее, уже тогда можно было встретить исследования, в рамках которых предпринимались попытки определить основные параметры универсальной социальной системы, включающей не только международное право, но и его субъекты, возникающие между ними правоотношения, формы и способы осуществления международно-правовых норм и даже международное правосознание. В качестве примеров здесь можно привести, в частности, идею о существовании международной юридической системы Д.И. Фельдмана, концепцию универсальной системы международно-правового регулирования И.И. Лукашука и теорию международной межгосударственной системы Г.И. Тункина, которые подробно рассматриваются в диссертации.

По целому ряду вопросов эти исследователи и авторы ряда других работ, содержащих подобные идеи, вступали в полемику друг с другом и, по общему правилу, отрицали возможность, не говоря уже о необходимости, совмещения параметров тех социальных систем, в рамках которых функционируют международное и внутригосударственное право. Однако несомненным достоинством их разработок было стремление взглянуть на международное право не как на застывшую систему юридических предписаний, а как на конструкцию, эволюционирующую в процессе динамики ее взаимодействия с внешней социальной средой и оказывающую на эту среду определенное регулирующее воздействие. В этом смысле указанные концепции по своему предназначению были очень близки к теориям, определяющим понятие и содержание категории «национальная правовая система», разрабатываемой в рамках общей теории права.

В конце 80-х — начале 90-х годов XX века интерес к проблеме реализации норм международного права в рамках правовых систем государств значительно вырос. В это время в ряде стран нормы международного права были объявлены составной частью их правовых систем, а положения международных договоров получили приоритет над нормами национального законодательства. Соответствующее положение нашло отражение и в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г., определившей статус общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России в качестве составной части ее правовой системы.

После 1993 г. проблема соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права в российской правовой доктрине приобрела явно выраженную практическую направленность, что обусловило резкое возрастание интереса к ней среди научной общественности. За прошедшее время осмыслению содержания указанной конституционной нормы и характеристике возможных путей ее практического применения было посвящено множество работ отечественных ученых. Однако ситуация в данной области не прояснилась в достаточной степени и сегодня. Это объясняется тем, что в рядах российских исследователей до сих пор отсутствует единое и четкое представление о том, что составляет существо понятия и содержания самого термина «правовая система России», равно как и категории «международная правовая система», несмотря на частое использование их в литературе и в нормативно-правовых актах различного уровня.

По словам С.Ю. Марочкина, в 60-х – 90-х годах прошлого века в учебной и научной литературе по общей теории права достаточно часто можно было встретить ошибочное отождествление категорий «правовая система» и «система права», а также объявление международного права отраслью или частью внутреннего права России. Последнее замечание объясняло то обстоятельство, что в рамках подавляющего большинства соответствующих концепций факт существования международной правовой системы как самостоятельного феномена по существу игнорировался⁴. Среди отечественных юристов-международников также можно было встретить авторов, которые выступали с тезисом, по существу идентифицирующим понятия «правовая система государства» и «право государства». Однако большая их часть справедливо полагала, что национальная правовая система – это более широкое явление, которое не ограничивается только совокупностью юридических норм. В диссертации проводится подробный анализ соответствующих позиций.

Что касается международной правовой системы, то работы, так или иначе затрагивающие вопрос о ее понятии и содержании, стали появляться в отечественной доктрине только в конце прошлого века. При этом большинство отечественных юристов-международников представляли международную правовую (нормативную) систему в качестве совокупности правовых

⁴ См.: *Марочкин С.Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. – Тюмень, 1998. – С. 6-11.

(или правовых и других нормативных) предписаний, функционирующих в рамках более общей структуры — глобальной международной (межгосударственной) системы. Другими словами, как это ни парадоксально, они ограничивали ее содержание только нормативными (юридическими) компонентами, хотя в то же самое время понятие и содержание внутригосударственной правовой системы многими из этих авторов определялось значительно шире.

Только в небольшом количестве работ, в частности С.В. Черниченко и С.Ю. Марочкина, и то лишь в постановочном плане, можно было встретить утверждение о том, что понятие национальной и международной правовых систем совместимы друг с другом и должны охватывать не только право, но и правообразование, правоосуществление и другие правовые стороны жизни.

Во второй половине XX века термин «правовая система» начинает находить отражение в трудах не только советских и российских, но и иностранных исследователей, хотя в целом в зарубежной (и, особенно, в англосаксонской) юриспруденции он не получил должного развития, как и большинство других общетеоретических категорий права. В диссертации автором выделяются «узкая» и «широкая» трактовки концепции правовой системы зарубежными учеными и дается развернутая характеристика соответствующих точек зрения. При всех различиях, существовавших между ними, эти позиции объединяло одинаковое отношение внутригосударственному праву, как к фундаменту, на базе которого возникают все правовые явления и конструкции, существующие в обществе.

В то же время в зарубежной правовой доктрине рассматриваемого периода времени не существовало подобного единства взглядов по отношению к международному праву как к нормативной основе функционирования международной системы. Более того, в зарубежных концепциях международной системы во многих случаях отрицался сам факт существования международного права как совокупности нормативных предписаний, имеющих юридическую силу, или существенно прижалась его роль и значение в регулировании международных отношений. Взгляды сторонников «минимизации» роли международного права в международной системе, получившее завершённое воплощение в теориях политического (Г. Моргентау) и юридического (М. Макдугал) реализма, подробно проанализированы диссертантом в работе.

Тем не менее, было бы неправильным полагать, что западная международно-правовая доктрина второй половины XX века находилась под доминирующим влиянием реалистических школ. В этот же период времени в ее рамках развивался ряд теорий более либерального толка, сторонники которых утверждали, что существует организованное международное сообщество, которое зиждется на праве и воле государств признавать законными определенные нормы, институты или поведение. В рамках этого направления в диссертационном исследовании приводится характеристика точек зрения таких, в частности, исследователей, как О. Шахтер, Т. Френк и М. Виралли и др.

В завершении обзора зарубежных концепций международной системы второй половины XX века, диссертант приходит к выводу, что в данном слу-

чае мы имеем дело с широким спектром взглядов, от преувеличенно пессимистичных до неоправданно оптимистичных. Заметное влияние на содержание рассмотренных точек зрения оказывала не только принадлежность их сторонников к тем или иным правовым школам (естественной, позитивистской, социологической и др.), но и состояние «холодной» войны, существовавшее в то время в отношениях между капиталистическими и социалистическими государствами, а также приверженность авторов соответствующих теорий определенным политическим идеям и ценностям. Поэтому очевидный недостаток многих из рассмотренных точек зрения состоит в субъективном, выборочном взгляде их сторонников на окружающую действительность, в отсутствии объективной оценки динамики развития международных отношений, а также роли международного права в процессе их регулирования.

Действительность же заключается в том, что международное сообщество неуклонно развивается в направлении все большей интегрированности его субъектов, что создает объективные предпосылки для нарастающего влияния не силовых, в том числе правовых, факторов. Несмотря на непрекращающиеся региональные конфликты и наличие целого ряда других негативных моментов, современный мир полон примеров, подтверждающих неуклонное движение человечества по пути к более устойчивому и целостному мировому сообществу.

Во *втором параграфе* раскрываются теоретические взгляды на концепцию правовой системы начала XXI века.

Диссертантом отмечается, что рубеж XX — XXI веков ознаменовался осуществлением крупного прорыва на ряде ключевых направлений научно-технического прогресса, повлекшего за собой создание единого общемирового информационного пространства, углубление и диверсификацию международных экономических связей, появление новых революционных технологий в промышленности и медицине. Указанные факторы придали взаимозависимости государств глобальный характер, что не могло не оказать влияния на дальнейшее развитие учения о правовой системе в рамках как общей теории права, так и международно-правовой доктрины. Поэтому отличительной чертой разработок отечественных ученых последних лет стало более продуманное и взвешенное отношение к понятию и содержанию терминов «правовая система государства» и «международная правовая система». В подтверждение этого тезиса в работе приводятся и анализируются взгляды таких известных теоретиков права, как В.Д. Перевалов, М.Н. Марченко, А.Б. Венгеров, Н.И. Матузов и др.

Что касается отношения отечественной международно-правовой доктрины к рассматриваемому вопросу, то, на взгляд диссертанта, его сегодня определяют следующие основные моменты. Во-первых, в научных разработках все реже встречаются попытки придать понятию «правовая система» «технический» характер, поставить знак равенства между категориями «правовая система государства» и «право государства». Во-вторых, как следствие, большинство российских юристов-международников заявляют о недопустимости отнесения международно-правовых актов к числу источников россий-

ского права. Третий принципиальный момент составляет отношение отечественной международно-правовой доктрины к содержанию категории «национальная правовая система».

В одних исследованиях оно отождествляется с правом, применяемым в государстве. Поддерживающие этот подход авторы, по общему правилу, не видят необходимости расширять содержание данной категории за счет включения в ее состав идеологического, институционального или правореализационного компонентов. Другая группа юристов-международников при определении содержания указанной категории стремится сохранить подход общей теории права к этому вопросу с тем дополнением, что они включают в ее состав и нормы международного права.

В то же время в современной отечественной международной правовой доктрине по прежнему недостаточно внимания уделяется развитию учения о международной правовой системе. В работах подавляющего большинства авторов она продолжает отождествляться лишь с системой международного права с точки зрения его структурной организации. Исключение в этом плане составляют, в частности, исследования И.И. Лукашука, Л.П. Ануфриевой, Н.Е. Тюриной, В.М. Шумилова, которые подробно проанализированы в диссертации. Однако в их рамках также не содержится целостной развернутой характеристики понятия и содержания категории «международная правовая система», а также, с точки зрения диссертанта, встречаются ошибочные утверждения и выводы.

В целом же современная российская международно-правовая доктрина постепенно отходит от узкого понимания международной правовой системы как системы исключительно межгосударственных отношений, регулируемых на правовом уровне нормами международного публичного права. В ее рамках происходит осознание того факта, что исключение из числа субъектов международной правовой системы негосударственных акторов, равно как и отрицание возможности международно-правового регулирования отношений с их участием, не соответствует ни современной практике развития международных отношений, ни существующим механизмам и способам их нормативно-правовой регламентации.

В конце главы диссертант обращается к характеристике современных зарубежных концепций международной системы, и той роли, которая отводится в их рамках международному праву. Он отмечает, что определяющее влияние на содержание данных теоретических конструкций, как и в нашей стране, оказали новые тенденции мирового общественного развития, которые возродили надежды многих зарубежных политических и научных деятелей на существенное сближение Востока и Запада и, как следствие, на построение единого мирового сообщества, основанного на универсальных ценностях, принципах взаимопомощи и сотрудничества всех государств мира.

Зарубежные исследователи считают, что к современному международному праву уже нельзя относиться как нормативной конструкции, предназначенной исключительно для регулирования межгосударственных отношений, выходящих за рамки национальных границ. Как отмечает американский

профессор Д. Бедерман, «государства перестали быть единственными субъектами международно-правовых норм. Это, несомненно, стало одним из наиболее существенных изменений в этой области права, сделав возможным применение его норм в отношении широкого круга индивидов, учреждений и коммерческих предприятий»⁵.

Кроме того, в качестве одного из характерных признаков «нового международного права» в западной правовой доктрине часто называют увеличение роли и значения международных организаций в процессе регулирования отношений между государствами, а также при осуществлении контроля за их деятельностью. Некоторые исследователи считают даже, что сегодня следует говорить о смещении полномочий по созданию, толкованию и приведению в исполнение норм международного права от национальных правительств к международным организациям.

Наметившаяся в зарубежной правовой доктрине эволюция взглядов на субъектные и предметные характеристики международного права и его роль в современных международных отношениях не могла не отразиться на представлениях западных ученых о параметрах международной системы, нормативной подсистемой которой является международное право. Сегодня многие из них считают, что к числу субъектов этой системы помимо государств и межгосударственных образований должны быть отнесены индивиды и негосударственные структуры, отношения с участием которых регулируются международно-правовыми нормами. Более того, с расширением сферы действия международного права и постепенным упрочением институционального каркаса органов, обеспечивающих реализацию его норм, в зарубежной правовой доктрине все большее признание получает мысль о принципиальном сходстве международной и внутригосударственных правовых систем. В подтверждение этих тезисов в диссертации содержатся ссылки на работы таких известных зарубежных исследователей, как Дж. Делбрук, Р. Бранд, У. Маттеи, М. Шоу, У. Асевес и др.

Завершая рассмотрение вопроса об эволюции концепции правовой системы в доктрине права, диссертант отмечает, что в настоящее время и для теоретиков права, и для юристов международников характерен единый концептуальный подход к пониманию того, что должно являться предметом исследований, проводимых при изучении понятия и содержания международной и национальных правовых систем. В самом общем виде он включает следующие четыре основных блока проблем: 1) установление природы и структуры регулятивной основы соответствующей правовой системы; 2) определение перечня ее основных компонентов; 3) выявление характера возникающих между ними системных связей; 4) характеристика механизма функционирования правовой системы и ее взаимодействия с другими системными комплексами аналогичного целевого предназначения.

Тем не менее, следует признать, что несмотря на наличие ряда обнадеживающих признаков, положение, при котором представители внутригосу-

⁵ *Bederman D.J. International Law Frameworks. – New York, 2001. – P. 1.*

дарственной ветви юриспруденции предпочитали не замечать существования международного права как самостоятельной нормативной конструкции и, следовательно, не рассматривали динамику развития национальных правовых систем с учетом воздействия на них международных правовых норм, еще нельзя считать полностью преодоленным.

С другой стороны, уровень исследований, предпринимаемых юристами-международниками в сфере изучения понятия и содержания международной правовой системы как сложного многоуровневого социально-нормативного феномена, также нельзя признать соответствующим тем практическим задачам, которые ставит перед современной наукой эпоха глобализации, в которую вступило человечество. В этой области практически нет фундаментальных разработок, содержание основных понятий лишь обозначено, терминология запутанна и противоречива. Поэтому здесь может пригодиться тот богатый опыт изучения качественных и количественных характеристик национальных правовых систем, который уже был получен в рамках общей теории государства и права. Именно он, по мнению диссертанта, должен быть положен в основу размышлений о феномене международной правовой системы.

Вторая глава «Понятие национальной и международной правовых систем» имеет ключевое значение для всего диссертационного исследования. Ее основное содержание составляет авторская концепция понятия и содержания категории «международная правовая система», которая была разработана диссертантом в результате анализа представлений о существе термина «национальная правовая система», существующих в общей теории права.

В *первом параграфе*, посвященном определению национальной правовой системы, диссертант отмечает, что в основе этого понятия лежат два научных термина: «система» и «правовая». Первый из них призван сконцентрировать внимание на том, что речь в данном случае идет об общественном явлении, имеющем системный характер. Оно представляет собой определенную целостность, образованную совокупностью всего множества входящих в него элементов. Эти элементы особым образом связаны между собой и взаимодействуют друг с другом на основе принципов координации и субординации, благодаря чему система приобретает качество внутренне организованного, упорядоченного единого целого.

Что касается термина «правовая», то в рассматриваемой категории он указывает на характер изучаемой системы, ее отличие от других общественных систем, на то, что данная система связана с правовой сферой общественной жизни. Это утверждение справедливо как по отношению ко всей системе в целом, так и к отдельным ее структурным единицам. При этом под структурой правовой системы следует понимать определенный способ связи ее компонентов, который придает системе относительную устойчивость и качественную обособленность. Компоненты и структура правовой системы в своей совокупности обуславливают ее природу и качество. В работе показываются различия между категорией «правовая система» и некоторыми другими

смежными понятиями такими, в частности, как «правовая семья», «правовая жизнь общества», «правовая культура» и др.

Диссертант отмечает, что в настоящее время в отечественной теории права достаточно четко обозначились три основных подхода к определению понятия и структуры правовой системы в ее внутригосударственном понимании. Сторонники первого из них предлагают рассматривать содержание данной юридической категории исключительно в контексте различных форм внешнего выражения и закрепления правовых норм, а также их взаимодействия друг с другом. Характерной чертой второго является попытка охарактеризовать понятие правовой системы через призму не только позитивного права, но и некоторых других тесно связанных с ним и между собой активных элементов правовой действительности: правовой идеологии, юридической практики и т.п. Третий подход отличает стремление его сторонников относиться к этому понятию, как к категории, отражающей все правовые явления и всю правовую действительность, существующие в обществе.

Внимательно изучив и проанализировав указанные точки зрения, диссертант приходит к выводу, что, несмотря на отсутствие единообразия во взглядах теоретиков права, ни один из них не подвергает сомнению тезис о том, что правовая система формируется применительно к праву, выступающему для нее в качестве главного системообразующего фактора. Существо противоречий, таким образом, определяется здесь различием представлений отдельных авторов о перечне производных от правовых норм структурных единиц правовой системы.

В рамках этого процесса в целом ряде случаев субъективно-произвольный подход к определению ее компонентов, стремление включить в состав правовой системы максимально возможное количество разнородных элементов, превалирует над намерением очертить ее границы и содержание на основе достаточно четких и функционально обоснованных критериев. С другой стороны, незначительно проясняет ситуацию и точка зрения о том, что понятие правовой системы конструируется исключительно в целях определения строения права как нормативного образования, а также выявления и анализа возникающих в его рамках внутрисистемных связей и отношений. В этом случае, досконально изучив «внутренний мир» различных нормативно-правовых конструкций, мы оставляем за пределами своего внимания главное – условия и механизм реализации их предписаний на практике.

В работе поддерживается мнение В.В. Сорокина, который указывает, что из всего обилия правовых явлений к элементам правовой системы необходимо относить только то, «что необходимо для эффективного процесса правового воздействия на общественную жизнь, для целенаправленного благотворного влияния на сознание и поведение субъектов права»⁶. При таком подходе наиболее близкой к действительности представляется позиция тех авторов, которые считают, что *в статическом состоянии* правовая система выступает как «совокупность юридических норм, принципов и институтов

⁶ Сорокин В.В. К понятию правовой системы // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 7.

(нормативная сторона системы), совокупность правовых учреждений (организационный компонент) и совокупность правовых взглядов, идей и представлений, свойственных данному обществу (идеологический компонент)»⁷.

По мнению диссертанта в состав нормативного компонента национальной правовой системы входят не только нормы внутреннего права соответствующей страны, но и обязательные для нее принципы и нормы международного права, а также действующие на ее территории в рамках коллизионного метода регулирования нормы права иностранных государств. В качестве административно-организационной составляющей правовой системы выступают законодательные, исполнительные, судебные и другие государственные и общественные юридические органы, учреждения и организации, обеспечивающие осуществление правотворческой и правоприменительной деятельности, функции защиты права. Они образуют тот необходимый институциональный каркас, без которого реализация норм права стала бы невозможной.

Третий компонент правовой системы в ее статическом представлении – правовая идеология, понимаемая в данном случае как систематизированное, научное выражение правовых взглядов, требований, идей общества. С ее помощью происходит формирование и распространение правовых знаний на всех уровнях его социальной структуры, предпринимаются попытки блокирования и деактивации негативных стереотипов в правовом сознании. Кроме того, «элементом правовой системы является та часть официального и доктринального правосознания, которая относится к методам (приемам) истолкования принципов и норм действующего права в процессе его реализации»⁸.

Что касается представления о структуре национальной правовой системы *в динамике* ее функционирования, то, в диссертации обосновывается точка зрения о том, что в данном случае следует говорить о взаимодействии права, юридической практики и правовой психологии.

Принимая во внимание указанные соображения, диссертант приходит к выводу, что национальная правовая система представляет собой характерную для данного государства (общества) целостную совокупность действующих на его территории правовых норм, а также юридических органов, учреждений, организаций и правовой идеологии, обеспечивающих в процессе юридической практики, опосредованной правовой психологией, урегулирование общественных отношений в соответствии с объективными закономерностями развития общества.

Именно такое определение позволяет сконцентрировать внимание на ключевых элементах правовой действительности, являющихся структурно и функционально необходимыми для нормальной работы механизма правового регулирования, обозначить наиболее важные связи, возникающие между такими компонентами, и тем самым представить национальную правовую систему не только в статике, но и в динамике ее функционирования.

⁷ Правовая система социализма. Понятие, структура, социальные связи. Кн. 1. / Под ред. А.М. Васильева. – М., 1986. – С. 39.

⁸ Сандуца Г.И. Применение общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Международное публичное и частное право. – 2001. – № 3. – С. 9.

Во *втором параграфе* дается понятие международной правовой системы и раскрывается содержание ее основных компонентов.

Родовое единство международного и внутригосударственного права как совокупности общеобязательных правил поведения юридического характера дает основание утверждать, что первое, как и второе, лежит в основе своей собственной правовой системы, обладающей определенной спецификой. Вместе с тем, по мнению диссертанта, к определению международной правовой системы в целом могут быть применены высказанные ранее соображения о понятии и содержании национальной правовой системы. Этот тезис находит развернутое обоснование в работе.

Нормативный фундамент категории «международная правовая система» образуют традиционные для международного права источники – договоры и обычаи. Сюда же относятся имеющие юридически обязательный характер нормы внутреннего права международных организаций, а также внутренние и внешние источники права Европейского Союза.

Однако не все нормативные предписания, имеющие международный характер, являются элементами международной правовой системы. Этим качеством, в частности, не обладают нормы так называемого международного «мягкого права», которые следует рассматривать лишь в качестве международных договоренностей или обыкновений. Они не относятся к числу источников права и не могут быть, следовательно, включены в состав нормативной составляющей международной правовой системы, охватывающей только юридические конструкции.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности включения в состав нормативной компоненты международной правовой системы норм внутригосударственного права, которые тесно взаимодействуют с международно-правовыми нормами в регулировании самых различных разновидностей общественных отношений. Необходимость пристального внимания к этой проблеме объясняется также тем обстоятельством, что международное право в большинстве государств мира признается составной частью их национальных правовых систем.

По мнению диссертанта, решение данного вопроса напрямую зависит от определения параметров той социальной среды, в рамках которой функционирует международная правовая система. Применительно к понятию «национальная правовая система» подобная среда ограничивается рамками конкретной страны (общества). В случае же с международной правовой системой речь в этом отношении должна идти о категории «мировое сообщество», охватывающей значительно более широкий круг субъектов – от государств и международных организаций, до транснациональных корпораций и индивидов, – являющихся участниками отношений, выходящих за рамки национальных границ. Каждый из указанных субъектов вносит свой вклад в обеспечение нормального существования и развития мирового сообщества. Тем не менее, функции его управляющей подсистемы во всех случаях непо-

средственно или опосредованно выполняет международное сообщество государств⁹.

Именно государства обладают правомочиями устанавливать в рамках мирового сообщества по согласованию друг с другом юридически обязательные правила поведения, формировать его институционный каркас, а также определять перечень и компетенцию других субъектов, выполняющих подобные функции. Создаваемые при этом на универсальном, региональном или двустороннем уровне нормативно-правовые предписания (при достижении между государствами соответствующей степени согласования их волеизъявлений) распространяют свое обязывающее или управомачивающее действие на все субъекты мирового сообщества. Те же характеристики, но с известными предметными, территориальными и субъектными ограничениями, имеют юридически обязательные нормы права международных организаций и права ЕС.

При таком подходе к определению среды функционирования международной правовой системы и характеристике действующих в ее рамках системных правовых конструкций, нормы внутригосударственного права не могут быть включены в их перечень. Несмотря на то, что эти правила поведения в целом ряде случаев выступают в качестве эффективных регуляторов отношений с участием субъектов из разных стран, то есть отношений, выходящих за рамки национальных границ, они, как правило, не порождают обязательств и не предоставляют прав для субъектов управляющей подсистемы мирового сообщества. Совершенно иная ситуация складывается в рамках национальных правопорядков. Здесь международные правовые нормы, в силу прямого указания внутреннего права соответствующих стран, сохраняют свою юридически обязывающую силу и способны, поэтому, выступать в качестве самостоятельного элемента нормативного уровня их национальных правовых систем.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что нормативный компонент международной правовой системы образуют нормы международного публичного и права ЕС, а также обладающие юридической силой нормы права международных организаций. Все другие нормативные комплексы, функционирующие в рамках мирового сообщества, либо не являются самостоятельными системными правовыми образованиями, либо не способны оказывать на субъекты его управляющей подсистемы регулирующее воздействие юридического характера. Международные правовые предписания, как и нормы внутригосударственного права в своей сфере, не только выступают в качестве нормативной основы международной правовой системы, но и играют важную роль в ее функционировании, определяя компетенцию и порядок деятельности различных межгосударственных объединений, а также процедуру создания и реализации соответствующих источников права.

Помимо нормативной компоненты у международной правовой системы в ее статическом представлении есть своя институциональная составляющая,

⁹ См.: Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000. – С. 60-61, 112.

представленная совокупностью различных международных органов и организаций, которые отличаются друг от друга по способу образования, правовому статусу, сроку и пространственной сфере деятельности, компетенции и др. В интересующей нас области они выполняют, как минимум, три группы задач. Во-первых, международные органы и организации своей деятельностью способствуют сближению позиций отдельных стран, подготавливая почву для выработки ими согласованных международно-правовых документов. Во-вторых, они сами принимают активное участие в международном правотворчестве как посредством участия в договорном процессе государств, так и путем осуществления собственной нормотворческой деятельности. И, наконец, в-третьих, международные органы и организации осуществляют широкий спектр организационно-исполнительных, контрольных и судебных функций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации на практике международных правовых предписаний, а также привлечения к ответственности субъектов, виновных в их нарушении.

Особого внимания заслуживает такой компонент международной правовой системы как правосознание. Как известно оно является духовной основой национальной правовой системы и в структурном отношении представляет собой единство двух частей: правовой идеологии и правовой психологии¹⁰. В работе ставится вопрос о том, существуют ли аналогичные структурные элементы в рамках международной правовой системы и допустимо ли вообще говорить о международном правосознании?

Проанализировав точки зрения таких юристов-международников, как С.В. Черниченко, Л.Х. Мингазов, Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман, М.Ш. Пацация и др., диссертант констатирует убежденность одной группы исследователей в том, что хотя правосознание любого общества и имеет международный аспект, собственно международное правосознание может быть присуще только международному сообществу, достигшему определенного уровня интегрированности, в целом. Другие авторы, напротив, полагают, что «международность» правосознания определяется не его принадлежностью неким международным структурам, а тем, что в качестве объекта приложения мыслей и чувств субъектов в данном случае выступает международное право или другие международные нормативно-правовые конструкции.

Вторая точка зрения представляется более правильной, так как для характеристики понятия и содержания международного правосознания гораздо важнее определить, в отношении чего выражается субъективная реакция участников международных отношений, нежели то, о реакции каких субъектов идет речь. Тем не менее, нельзя не признать, что второй момент также очень важен. Поэтому во избежание терминологической и смысловой путаницы диссертант предлагает говорить не о «международном правосознании», а о «международно-правовом сознании» субъектов международной правовой системы.

¹⁰ См.: Певцова Е.А. Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 75.

Как и правосознание, существующее в рамках национальной правовой системы, международно-правовое сознание в структурном отношении состоит из двух элементов – рационального и эмоционального. Первый представляет собой совокупность теоретически обоснованных знаний, идей и оценок международных правовых норм, которые, в большинстве своем, находят воплощение в международно-правовой доктрине. В свою очередь эмоциональный уровень международно-правового сознания включает в себя правовые чувства, настроения, желания, характерные, как для отдельной личности, выступающей в роли «адресата» международно-правовых норм, так и для определенной социальной группы или общества в целом, соизмеряющих свое поведение с международными правовыми предписаниями. Даже государство, посредством конкретных действий своих органов и должностных лиц или издания официальных документов способно недвусмысленно демонстрировать свое положительное или отрицательное отношение к тому или иному международно-правовому документу, норме или основываемых на них действиях.

Еще одним структурным компонентом международной правовой системы является юридическая практика, которая в данном случае охватывает деятельность международных межправительственных и неправительственных органов и организаций, международных судебных и арбитражных структур по созданию и реализации международных правовых норм. Юридическая практика опосредует динамику функционирования международной правовой системы.

В конце главы, опираясь на проведенный анализ различных точек зрения, а также на собственные обобщения и выводы, диссертант выступает с предложением о введении в научный оборот принципиально нового понятия международной правовой системы как целостной совокупности международных правовых норм, органов и организаций, а также международно-правового сознания, обеспечивающих в процессе юридической практики урегулирование выходящих за пределы внутренней компетенции государств общественных отношений, возникающих между субъектами мирового сообщества.

Третья глава диссертационного исследования носит наименование «**Взаимодействие международной и национальных правовых систем**».

В ее *первом параграфе* дается характеристика предпосылок указанного взаимодействия, которые диссертант предлагает разбить на две большие группы. Явления и тенденции, составляющие первую из них, имеют общественно-политический и экономический характер и находят отражение, в частности, в интернационализации внутригосударственных отношений, в диверсификации экономики, в появлении общечеловеческих проблем, решение которых возможно только на основе тесного конструктивного взаимодействия большинства государств мира. В отличие от них, факторы, входящие во вторую группу, имеют специально-юридическое содержание. Они существуют благодаря наличию в обеих системах общей основы, которая и определяет их как правовые.

Решающее влияние на содержание общественно-политических и экономических предпосылок, обуславливающих тесную взаимосвязь международной и национальных правовых систем в современном мире, оказывает глобализация, которая представляет собой «макромасштабный, многоплановый и внутренне противоречивый процесс нарастания общего в мировых системах: экономической, политической, социальной и правовой»¹¹. Глобализация инициировала кардинальные перемены, происходящие в мировом сообществе, определила параметры и перспективы его дальнейшего развития. Она привела к тому, что сегодня ни одно государство не в состоянии существовать без активного и целенаправленного взаимодействия с международной правовой системой. От того насколько эффективно организовано такое взаимодействие, насколько последовательно государство совмещает в своей деятельности учет национальных и интернациональных интересов, зависит его благополучие.

В этом контексте в работе подробно анализируются факторы, предопределяющие возрастание роли международного права в современном мире и расширение сферы его действия. Здесь, в частности, отмечается, что с каждым годом регулирующее воздействие международных правовых норм все глубже проникает в область внутригосударственных отношений. Как следствие определенные элементы традиционной сферы действия национального права рассматриваются сегодня в качестве объектов совместного регулирования с участием как внутригосударственных, так и международных правовых норм. При этом в работе обосновывается тезис о том, что указанные изменения, а также ряд других смежных с ними факторов (резкое увеличение полномочий международных организаций в экономической и политической области, усиление влияния ТНК на мировую экономику и др.) не способны привести в ближайшие десятилетия к изменению статуса государств как основных управляющих субъектов международной и национальных правовых систем.

В силу этого речь должна идти не о противопоставлении категорий «суверенитет государства» и «глобализация», не о подходе к ним как к взаимоисключающим понятиям, а об отвечающей современным реалиям корректировке первоначальной концепции суверенитета, как олицетворения самой высокой, абсолютной и вечной власти государства над его гражданами и другими субъектами. В самом общем виде существо указанной корректировки должно заключаться в признании того очевидного факта, что поиск баланса интересов государств в современном мире неразрывно связан с интернационализацией традиционно внутригосударственных вопросов, с передачей в общих интересах отдельных прав в международную компетенцию. Другими словами, «контуры современного понимания суверенитета должны учитывать отношения между гражданами, их правительствами и международным сообществом»¹².

¹¹ Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 5.

¹² Stacy H. Relational Sovereignty // Stanford Law Review. – 2003. – Vol. 55. – P. 2044.

Процесс глобализации оказывает влияние не только на содержание и характер взаимодействия нормативных составляющих международной и национальных правовых систем, но и обуславливает тесную взаимосвязь других компонентов указанных системных образований в их статическом и динамическом представлении. Такое взаимодействие происходит, в частности, на институциональном уровне, когда международные органы и организации в процессе осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности в рамках своей компетенции вплотную соприкасаются с внутригосударственными структурами, и наоборот. В работе также очерчиваются основные параметры воздействия, которое глобализация оказывает на правосознание.

Взаимная потребность международной и национальных правовых систем друг в друге обусловлена не только общественно-политическими, но и правовыми факторами. Это объясняется тем, что во многих случаях связь внутригосударственного и международного права является юридически необходимой, особенно на этапе реализации международно-правовых норм.

Можно выделить две основные формы помощи, которую внутригосударственное право оказывает праву международному в процессе его применения. В первом случае речь идет о ситуации, когда основная цель договорных или обычных норм международного права заключается в урегулировании отношений, выходящих за рамки государственных границ (например, при регламентации вопросов политического, военного, научно-технического или культурного сотрудничества государств). Так как нормы международного права всегда обязывают государство в целом, а не его органы, то основная задача национального права будет состоять здесь в определении нормативной основы функционирования подразделений и структур, ответственных за обеспечение реализации международно-правовых предписаний на практике.

Совершенно другая ситуация складывается тогда, когда конечной целью действия того или иного международного правового акта является достижение определенной степени урегулированности отношений между субъектами национального права одного или нескольких государств (например, при регулировании вопросов прав человека, порядка заключения и исполнения внешнеэкономических сделок, охраны прав на объекты интеллектуальной собственности и т.д.). Здесь международное право фактически вторгается в традиционную сферу действия права национального, и взаимодействие этих нормативных образований уже не будет носить только функциональный характер. Задача внутригосударственного права в данном случае заключается в том, чтобы определить возможность и условия, а также при помощи других компонентов национальной правовой системы обеспечить должный порядок реализации международных правовых норм внутри страны.

Национальные правовые системы, в свою очередь, также оказывают заметное влияние на международную правовую систему. Только в отличие от рассмотренных выше случаев, такое воздействие проявляется, преимущественно, на этапе создания международных правовых норм. Именно при помощи внутригосударственных нормативных предписаний решается вопрос о

том, какие органы государства имеют право выступать от его имени в рамках международного нормотворческого процесса и какими полномочиями при этом они обладают. Кроме того, национальным правом определяются условия, способы и порядок выражения органами государства согласия на обязательность для него положений различных международных правовых актов, а также решается такой важнейший вопрос, как наделение международных правовых норм юридической силой на территории различных стран. Помимо процессуального национальные правовые системы оказывают на международную правовую систему и существенное материальное воздействие.

Объективная необходимость взаимодействия международных и национальных правовых норм в рамках соответствующих правовых систем определяется также тем обстоятельством, что в ряде случаев они имеют совпадающий объект регулирования.

Во *втором параграфе* третьей главы раскрывается содержание процесса взаимодействия международной и национальных правовых систем, который происходит в рамках юридической практики и охватывает все уровни этих системных конструкций – нормативный, институциональный и идеологический (социально-психологический). Поэтому для удобства изложения материала текст параграфа разбит на три части.

Первый подпараграф посвящен взаимодействию нормативных компонентов международной и национальных правовых систем, в рамках которого в работе выделяются «содержательная» и «регулятивная» составляющие.

Содержательное взаимодействие является одним из важнейших факторов, обеспечивающих согласованность международного и внутригосударственного права. В процессе создания и определения содержания международных правовых норм государства исходят из принципов и предписаний своего национального законодательства и стремятся не допускать выработки документов, противоречащих основам их конституционного строя или требующих внесения существенных изменений во внутригосударственное право. В свою очередь международные правовые нормы дают устойчивую нормативно-целевую ориентацию для национальных правотворческих органов, определяя в целом ряде случаев направление развития и эволюцию содержания внутреннего законодательства государств. Международное и внутригосударственное право оказывают также значительное структурно-содержательное влияние друг на друга. Это происходит в тех случаях, когда нормы одной из этих систем права определяют основные направления развития старых и закладывают основы формирования новых отраслей и институтов другой системы.

В работе дана развернутая характеристика особенностей и существа как структурно-содержательного, так и собственно содержательного взаимодействия нормативных компонентов международной и национальных правовых. В ее основу положен анализ большого количества международных нормативных документов, принятых в рамках ООН, ЕС, МОТ, ЮНЕСКО, ИКАО, ЮНСИТРАЛ, СНГ и ряда других международных органов и организаций, а также практики их деятельности в соответствующей области.

Диссертант приходит к выводу, что содержательное взаимодействие нормативных компонентов международной и национальных правовых систем имеет решающее значение для определения перспективных направлений и форм взаимодействия этих системных конструкций в целом. В современных условиях содержание данного процесса определяют тенденции интернализации (доместикации) международных правовых норм, с одной стороны, и интернационализации норм внутригосударственного права, – с другой, следствием чего становится неуклонное повышение удельного веса международно-правового фактора в национальном правотворчестве. Отличительной чертой подготовки многих современных международных правовых документов (в особенности тех, которые предназначены для регулирования отношений, возникающих внутри государства) является стремление их разработчиков не только установить единые для всех государств-участников правила поведения, но и определить содержание и рамки национальных законодательных, административных и иных мер, необходимых для их осуществления на практике.

Способы и формы содержательного воздействия международных нормативных актов на национальное законодательство составляют существо процесса унификации правовых норм, при котором на основе образца (стандарта), задаваемого общеобязательным правилом поведения международного характера, происходит нормативное «выравнивание» содержания соответствующих норм внутреннего права различных стран. В работе дается характеристика различных точек зрения на понятие унификации и гармонизации права и подвергается сомнению тезис о существовании так называемой прямой унификации, при которой нормам международного права придается на территории соответствующего государства сила норм национального права.

В диссертационном исследовании обосновывается точка зрения о том, что международная правовая норма, применяемая во внутригосударственной сфере, не становится частью национального права и в рамках национальной правовой системы выполняет не унифицирующие, а регулятивные функции. Следовательно, речь в данном случае должна идти не о содержательном, а о регулятивном (функциональном) взаимодействии нормативных компонентов международной и национальных правовых систем. Существо такого взаимодействия, по мнению диссертанта, наиболее правильно раскрывается в рамках концепции правоприменительных комплексов, выдвинутой в отечественной правовой доктрине в конце 80-х годов прошлого века Г.В. Игнатенко¹³. Подобные комплексы образуют группы норм различных систем права, которые обладают качеством регулятивной совместимости и предназначены для регламентации однообъектных отношений.

По своему содержанию все правоприменительные комплексы можно разделить на двусоставные и трехсоставные. Первые состоят из международных правовых норм и норм национального права и применяются в процессе

¹³ См.: Игнатенко, Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. – 1985. – № 1. – С. 73-81.

регулирования отношений, возникающих преимущественно между субъектами одной страны. Трехсоставные комплексы, помимо названных норм, включают в себя еще и нормы иностранного права. На практике они складываются в тех случаях, когда речь идет о регулировании отношений, возникающих между субъектами различной государственной принадлежности, а также когда юридический факт, порождающий к жизни правоотношения, происходит, или объект регулирования находится за границей. Существуют также двусоставные правоприменительные комплексы, состоящие из норм различных национальных систем права. Они возникают, в частности, когда суд одного государства для урегулирования конкретного спора или ситуации применяет нормы права другой страны.

В силу особенностей своей природы и предназначения правоприменительные комплексы не образуют самостоятельной статичной системной или отраслевой нормативной конструкции, а выступают в качестве форм регулятивного взаимодействия нормативных компонентов международной и (или) национальных правовых систем. К их числу, например, можно отнести образование, известное под названием «международное частное право». В работе обосновывается тезис о том, что оно не является частью системы международного или национального права, а представляет собой совокупность правовых норм международного и национального происхождения, находящихся в тесном взаимодействии и регулирующих особую разновидность относительно обособленных отношений международного немежгосударственного невластного характера. Аналогичную природу имеют такие межсистемные нормативные комплексы, как международное банковское право, международное инвестиционное право, международное налоговое право, международное торговое право и ряд других.

В работе высказывается сомнение в обоснованности точки зрения о формировании в современных условиях глобальной правовой системы, объединяющей все известные нормативные образования, включая международное и национальное право. Несмотря на растущую интенсивность содержательного и регулятивного взаимодействия международных и национальных правовых норм, их все более тесное переплетение в рамках правоприменительных комплексов, сегодня было бы неправильным говорить о стирании границ между международным и внутригосударственным правом, а тем более об их объединении в правовую систему более высокого уровня. Это привело бы к нарушению их нормального функционирования и вступило бы в противоречие с фактом существования международной и национальных правовых систем как самостоятельных образований.

Второй подпараграф раскрывает особенности институционального взаимодействия международной и национальных правовых систем применительно к таким важнейшим составляющим юридической практики как правотворчество, правоприменение и контроль за осуществлением нормативных правовых предписаний.

Международные органы и организации не только помогают государствам в подготовке текстов международных правовых актов, но и довольно

часто сами выступают в качестве инициаторов разработки таких документов, а также осуществляют собственную нормоустановительную деятельность, значительное влияние на содержание которой оказывают национальные правительства. В доказательство этого утверждения в работе приводятся многочисленные примеры из практики Комиссии международного права ООН, Межамериканского юридического комитета, различных органов МОТ и ЮНЕСКО.

Не менее активным является взаимодействие международных и национальных институциональных структур в процессе разработки внутригосударственных правовых актов. Достаточно вспомнить, например, то огромное влияние, которое оказывают на нормотворческую деятельность государственных органов и содержание законов различных стран универсальные организации экономического и финансового профиля, а также специализированные международные межправительственные организации, имеющие право принимать технические и административные регламенты обязательного характера.

В работе дается понятие и подробно анализируется содержание организационно-исполнительной деятельности международных органов и организаций по оказанию технической помощи государствам при разработке законов и иных нормативных актов, обучению и переподготовке кадров, оказанию консультационного содействия в проведении политических и конституционных реформ. Несмотря на широкое распространение указанной деятельности, она, по мнению диссертанта, не способна обеспечить полную унификацию процесса осуществления международных правовых предписаний.

Это невозможно по причине все еще сохраняющихся различий в правоприменительной практике государств, каждое из которых использует свою собственную совокупность правотворческих, правоприменительных и структурно-компетенционных средств, предназначенных для выполнения международных обязательств в рамках своей национальной правовой системы. Именно поэтому параметры действия международных правовых норм в конкретной стране определяются в конечном итоге содержанием и эффективностью функционирования действующего на ее территории внутреннего организационного механизма их реализации.

В рамках этого механизма, помимо органов исполнительной власти, немаловажное место принадлежит судам, так как применение международных нормативных предписаний в рамках национальных правовых систем во многом происходит именно благодаря их деятельности. Национальные суды также учитывают в своей работе решения международных судебных органов и используют их в качестве нормативной и иной основы для собственных решений. Роль международной и внутригосударственной судебной практики в рамках институционального взаимодействия международной и национальных правовых систем показана в диссертации на примере деятельности высших судебных органов Германии, России, США, а также Суда Европейского Союза, Европейского Суда по правам человека и некоторых других судебных органов.

Тесное взаимодействие национальных и международных институциональных структур характерно также для контрольной деятельности, осуществляемой в рамках различных правовых порядков. В работе дается характеристика ее понятия и содержания этой деятельности и отмечается, что о правовом контроле можно говорить как в международном, так и во внутригосударственном смысле. Причем и тот, и другой могут осуществляться либо индивидуально, когда государство использует свои национальные средства, либо коллективно, когда задействуются элементы международного институционального механизма.

В конечном счете, и внутригосударственный, и международный контроль преследуют одну цель – соблюдение субъектами мирового сообщества своих обязательств. В этом плане между ними отсутствуют взаимоисключающие противоречия¹⁴. Поэтому тесное взаимодействие и продуманная согласованность осуществления контрольных функций международными и национальными институциональными структурами способны значительно повысить эффективность процесса реализации соответствующих правовых предписаний на практике.

Третий подпараграф раскрывает существо процесса взаимодействия международной и национальных правовых систем на уровне идеологии и правосознания. В работе отмечается, что эффективность реализации соответствующих правовых норм в конкретном государстве или в межгосударственных отношениях во многом зависит от состояния существующего в данном обществе индивидуального и коллективного правосознания, правовой культуры в целом, а также от того насколько интенсивно и в каком направлении соответствующее общество подвергается внешнему культурологическому или иному ценностно-ориентационному воздействию.

Взаимопроникновение культур с древности было одним из немаловажных средств развития государственных и правовых институтов. Сегодня вряд ли можно найти классически чистую национальную правовую культуру или «незамутненный» посторонним влиянием национальный архетип восприятия права. «Все они представляют симбиоз местного, почвенного, и внешнего, инонационального или получившего международное признание»¹⁵. В последнем случае особенно значима роль международного права, воздействие которого на индивидуальное и коллективное правосознание неуклонно усиливается.

Приняв за основу идею о единой человеческой цивилизации, можно смело утверждать, что международное право является одним из важнейших факторов, обеспечивающих ее существование. Характерная особенность нашего времени – беспрецедентная взаимосвязь государств и народов, которую все чаще следует рассматривать как взаимозависимость. На фоне обостряющихся локальных конфликтов и общих проблем происходит повсеместное

¹⁴ См.: *Валеев Р.М.* Контроль в современном международном праве. 2-е допол. и перераб. издание. – Казань, 2003. – С. 92.

¹⁵ См.: *Мартышин О.В.* Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. – 2005. – № 4. – С. 9.

осознание необходимости развития конструктивного диалога и совместного поиска путей преодоления накопившихся противоречий. Наиболее предпочтительными в данной ситуации оказываются именно международно-правовые механизмы, предполагающие согласованность действий субъектов и поиск компромисса при принятии решений. Кроме того, принимаемые совместными усилиями декларации, конвенции, пакты и резолюции фактически содержат готовую систему прогрессивных идей и ценностей, опробованных многими государствами и признаваемых ими в силу своей прогрессивности и распространенности универсальными и общечеловеческими.

Но есть и другая сторона этой проблемы. Мировое сообщество во многих отношениях все еще продолжает оставаться разобщенным. Не все его субъекты поддерживают происходящие в мире перемены или оценивают их положительно. Не стоит, например, сбрасывать со счетов движение антиглобалистов, которые достаточно резко выступают против интеграционных процессов в ряде областей. Однако наиболее заметны сохраняющиеся различия между западным и восточным мышлением, образом жизни и отношением к праву в соответствующих государствах. Поэтому при оценке возможностей участия азиатских, африканских или ближневосточных стран в тех или иных универсальных проектах или эффективности выполнения ими своих международных обязательств нельзя не принимать во внимание культурную, этническую, религиозную и историческую специфику данных государств. Это особенно важно в силу того, что система ценностей, составляющая основу современного международного права, во многом ориентирована на западные страны.

Констатация несхожести образа жизни, культуры и иных признаков различных народов и государств не должна служить основой для нетерпимости и попыток навязывания своей системы ценностей другим. Поэтому международное право, для того чтобы в полной мере отвечать своему предназначению, должно в перспективе стать межцивилизационным, отражать взаимодействие и идейную борьбу различных религий, идеологий, правовых систем, ценностей и стремиться к их синтезу. В качестве его основы должна утвердиться идея человеческого и межэтнического общения, диалога цивилизаций, сотворчества культур¹⁶.

Сказанное представляет особый интерес, если учесть, насколько остро в наше время встает вопрос о пределах распространения универсальных идей и ценностей, а также о допустимости применения в данном процессе принуждения в какой бы то ни было форме. Указанная проблема имеет особое значение еще и потому, что в последние годы все большее распространение получают попытки использования международного права в интересах отдельных стран, а не всего международного сообщества в целом.

Любое государство имеет право отстаивать на международном уровне свои национальные интересы или пропагандировать образ жизни, свойствен-

¹⁶ См.: *Рогожин С.Л.* Международное право как диалог и столкновение цивилизаций. // Московский журнал международного права. – 2002. – № 3. – С. 18-19.

ный его гражданам. Однако при этом не следует практиковать их насильственное насаждение в странах, чей исторический путь развития существенно отличается от западного, а религиозные начала, определяющие важнейшие моменты общественной жизни, имеют мало общего с христианством. В условиях глобализации существует неразрывная связь национальных и интернациональных интересов, и следовательно, коренные национальные интересы могут быть обеспечены лишь в контексте общих интересов государств, значение которых становится все более определяющим.

Диссертант поддерживает мысль И.И. Лукашука о том, что одним из главных препятствий на пути формирования нового мирового порядка является отставание доминирующего политического мышления от требований времени и отмечает, что свою лепту в интернационализацию правосознания всех уровней должны внести не только средства массовой информации и органы просвещения, но и наука международного права, реализацию разработок которой государственными органами необходимо существенно повысить.

Общий вывод, который дается в завершение данного раздела работы состоит в том, что эффективная реализация международных и национальных правовых норм невозможна без учета особенностей исторического, культурного развития и этнического состава народов различных государств, определяющих специфику и содержание соответствующих национальных архетипов отношения к праву. Это обстоятельство должно приниматься во внимание при разработке и применении юридических предписаний любого уровня и характера и сопровождаться проведением широкого комплекса мероприятий по повышению общей правовой культуры всех субъектов правореализационной деятельности, с одной стороны, а также действий, способствующих интернационализации их правосознания и осознанию своей принадлежности к единому мировому сообществу, – с другой.

Четвертая глава «Место и роль международного права в национальных правовых системах» состоит из двух параграфов.

Первый из них посвящен теоретическим аспектам проблемы соотношения международного и внутригосударственного права. В работе подчеркивается, что их изучение не является самоцелью или данью простому любопытству, так как доминирующие в конкретном государстве представления о природе и формах взаимодействия международного и национального правопорядков нередко кладутся в основу его действий по определению способов и средств реализации международно-правовых норм на практике.

В рамках данного раздела диссертационного исследования на основе изучения многочисленных работ отечественных и зарубежных авторов раскрывается существо и содержание основных теорий соотношения международного и внутригосударственного права – дуализма, монизма и теории координации. Диссертант отмечает, что развитие международных отношений убедительно доказало несостоятельность указанных концепций в их первоначальном варианте. Практикой межгосударственного сотрудничества были развеяны представления о том, что международное и внутригосударственное право не могут взаимодействовать, а их источники конкурировать друг с

другом. С другой стороны, стало ясно, что теория единого правопорядка, в котором международно-правовые нормы превалируют над нормами национально-правовыми (или наоборот) также не соответствует действительности. Данные обстоятельства обусловили эволюцию монистических и дуалистических представлений о соотношении международного и национального права, породив их «умеренные» интерпретации.

Одним из главных достижений обновленной концепции стал отказ от противопоставления государственного суверенитета и международного права, осознание того факта, что эти правовые категории с необходимостью предполагают наличие друг друга, а отрицание одной из них ставит под сомнение существование другой. К концу XX века сторонники «умеренного» монизма и дуализма фактически подошли к единому пониманию проблемы соотношения международного и внутригосударственного права как двух разнопорядковых, но тесно взаимодействующих и определенным образом соотносящихся между собой правовых конструкций. Подобный взгляд нашел широкое распространение и в современной российской международно-правовой доктрине.

Диссертант приходит к выводу, что к настоящему времени между дуалистической и монистической концепциями не осталось серьезных противоречий. Различия между ними приобрели во многом символический характер и сконцентрировались, преимущественно, в области юридической терминологии и методологии. Обе эти теории в их современной интерпретации признают возможность и необходимость взаимодействия международного и внутригосударственного права как самостоятельных системных конструкций в процессе регулирования неуклонно расширяющегося круга общественных отношений. В этих условиях наибольшую актуальность и практическую значимость приобретает задача определения существа и содержания механизма согласования действия их норм в правовых системах современных государств.

Данному вопросу посвящен *второй параграф* четвертой главы диссертационного исследования, который состоит из двух частей.

В первой из них представлен анализ сильных и слабых сторон наиболее известных теорий согласования международных и внутригосударственных правовых норм в пределах государственных границ отдельных стран, а также высказываются соображения относительно соответствия их положений современному уровню развития и взаимодействия международной и национальных правовых систем. Объектом исследований здесь выступают теории трансформации, инкорпорации и имплементации.

Своим рождением и развитием первая из указанных теорий обязана дуалистическому подходу к проблеме соотношения международного и внутригосударственного права. Как и дуализм, она базируется на утверждении о самостоятельном существовании и раздельном функционировании этих двух систем права. Базовые тезисы данной концепции, по мнению диссертанта, могут быть представлены следующим образом: 1) международное и внутригосударственное право представляют собой два различных правопорядка, по-

этому первое не может быть непосредственным регулятором отношений в сфере действия второго; 2) для придания нормам международного права юридической силы внутри государства, они должны быть трансформированы в нормы национального права; 3) процедура трансформации характерна для всех случаев и способов приведения в действие норм международного права внутри государства, а проведение трансформации опосредуется изданием соответствующего «трансформационного» национально-правового акта.

Комментируя эти утверждения диссертант отмечает, что в отечественной международно-правовой доктрине положение о самостоятельности и не подчиненности друг другу международного и внутригосударственного права действительно является общепризнанным. Как правило, не вызывает никаких возражений и тезис о том, что внутригосударственный закон или иной правовой акт государственной власти не может быть непосредственным источником международного права, равно как и международный договор или международно-правовой обычай ни при каких обстоятельствах не могут быть непосредственными источниками внутригосударственного права. Указанные предпосылки, однако, отнюдь не являются достаточным основанием для принципиального заявления о невозможности непосредственного регулирующего воздействия международных правовых норм на поведение субъектов внутригосударственного права, с которым выступают сторонники теории трансформации.

Принцип верховенства государственной власти не означает, что в рамках границ соответствующей страны может действовать только один правовой регулятор – национальное право. Суть проблемы, следовательно, заключается не в том, что международная правовая норма в силу своей природы и предназначения не в состоянии выступать в качестве регулятора отношений на внутригосударственном уровне, как это утверждают «трансформисты», а в том допускает или не допускает соответствующее государство ее действие в таком качестве. Поэтому международные правовые акты и обычаи способны выступать в качестве источников норм, непосредственно регулирующих отношения между национально-правовыми субъектами различных государств или даже одной страны в тех случаях, когда это санкционировано соответствующим государством. Трансформация в процессе осуществления норм международного права внутри государства не происходит, да и не может происходить в силу самостоятельности и формальной независимости друг от друга систем международного и внутригосударственного права.

Указанные и некоторые другие соображения позволили диссертанту прийти к выводу о том, что теория трансформации не отражает существа процесса применения международно-правовых норм внутри государства. Не дает она и цельного представления о его содержании, так как предлагает единую схему реализации для всех международных правовых предписаний, независимо от их характера и целевого предназначения.

В отличие от «трансформистов» сторонники другой распространенной теории согласования норм международного и национального права – теории инкорпорации – считают, что международные правовые нормы становятся

частью национального права (законодательства) определенной страны автоматически без издания каких бы то ни было внутригосударственных нормативных правовых актов. Основные положения этой концепции, истоки которой восходят к учению монистов, могут быть сведены к следующему: 1) международное и внутригосударственное право представляют собой две согласующиеся друг с другом системы права, поэтому первое может быть составной частью второго; 2) в силу указания конституционной нормы или практики, выработанной национальными судебными органами, международные договоры и (или) нормы общего международного права становятся частью национального права соответствующей страны целиком без необходимости издания каких либо дополнительных внутренних правовых актов.

Оценивая обоснованность этих утверждений, диссертант отмечает, что для международного и национального права действительно характерна значительная содержательная и функциональная согласованность. Вместе с тем не следует забывать о том, что эти нормативные конструкции существенно отличаются друг от друга не только по содержанию и источникам правовых норм, но и по способам их создания и реализации на практике. У этих систем права различная природа, сфера действия, предназначение, в силу чего они объективно не могут быть или становиться частью друг друга.

Поэтому тезис о сохранении нормами международного права своей системной принадлежности при их осуществлении в рамках национальных правопорядков остается справедливым во всех случаях, и даже тогда, когда эти нормы провозглашаются частью внутреннего права страны или ее законодательства. Здесь мы имеем дело с *юридическими* формулировками, которые не только не соответствуют *фактической* ситуации, но и не способны на нее повлиять, так как самостоятельность систем международного и национального права – объективный и очевидный факт, который невозможно изменить даже при помощи нормативных предписаний конституционного уровня. Указанный тезис находит развернутое обоснование в диссертационном исследовании.

Теория инкорпорации, таким образом, вслед за теорией трансформации, дает не совсем верное представление о действительном статусе международных правовых норм в рамках национальных правовых систем. Ей также присущ целый ряд других неточностей и недостатков, отмеченных в работе.

Большинство из них довольно успешно преодолеваются в рамках теории имплементации, которая в последние годы получила широкое распространение в правовой доктрине. Как и теория трансформации, она основывается на постулате о самостоятельности систем международного и внутригосударственного права. Однако сущность процесса согласования этих нормативных образований определяется в данном случае по-другому. Теория имплементации рассматривает его не как совокупность различных средств юридической техники, имеющих целью наделение норм международного права силой норм права национального, а как комплекс мероприятий, направленных на признание юридической силы и организационное обеспечение осуществления международных правовых норм внутри государства.

Причем эти мероприятия могут различаться друг от друга в зависимости от вида норм, а также предмета и конечной цели правового регулирования.

В соответствии с теорией имплементации итогом согласования становится не преобразование норм международного права в национальные правовые нормы, не объявление их частью внутреннего права, а наделение первых способностью действовать в своем собственном качестве в правовой системе соответствующего государства с санкции и при помощи вторых. В тех случаях, когда внутригосударственное право санкционирует действие международных правовых норм внутри страны, возникает проблема так называемых самоисполнимых и несамоисполнимых договоров или их отдельных положений, которая также учитывается теорией имплементации и находит адекватное разрешение в ее рамках.

Сопоставляя основные положения теорий трансформации, инкорпорации и имплементации, диссертант приходит к выводу, что речь в данном случае идет не столько о споре о терминах, как это пытаются представить некоторые исследователи, сколько о различных видениях содержания юридического механизма реализации норм международного права в рамках внутригосударственных правопорядков. И если оставить «за скобками» другие многочисленные, но относительно менее важные разногласия, то в центре дискуссии сторонников этих концепций оказывается вопрос о том, могут ли международные правовые нормы применяться в сфере внутригосударственных отношений непосредственно, т. е. без провозглашения их частью внутреннего права и без трансформации международных договоров во внутригосударственные законы?

Правильный ответ на этот вопрос дает теория имплементации, и он носит утвердительный характер. Данная теория и в остальных аспектах значительно ближе, чем другие концепции подошла к пониманию существа действительного соотношения нормативных компонентов международной и национальных правовых систем и содержания сложившейся к настоящему времени мировой практики их взаимодействия.

Во второй части параграфа раскрываются особенности национальной имплементации международно-правовых предписаний в юридической практике США, Великобритании, ФРГ, Италии, Греции, Португалии, Польши, Франции, Нидерландов, Японии, ЮАР, стран СНГ и ряда других государств. В качестве основы для исследования здесь используются положения основных законов соответствующих стран, а также рассматривается отношение их высших судебных органов к договорным и обычным международным правовым нормам.

Особое внимание в работе уделено теоретическим и прикладным проблемам, возникающим в процессе реализации международных правовых норм на территории Российской Федерации. В этом отношении на основе анализа ряда доктринальных источников и материалов пленумов Верховного Суда РФ диссертантом высказывается ряд соображений относительно определения критериев самоисполнимости международно-правовых предписаний. Им также разделяется точка зрения о необходимости принятия специ-

ального закона «О порядке реализации международно-правовых актов в правовой системе Российской Федерации» и наделении Конституционного Суда России правом в спорных ситуациях давать оценку способности международных договорных норм непосредственно регулировать отношения, возникающие внутри нашей страны или с участием ее субъектов. Кроме того, автором диссертационного исследования излагается собственная позиция относительно приоритетного применения общепризнанных принципов и норм международного права, а также положений международных договоров перед российскими нормативно-правовыми актами различного уровня и характера в контексте ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и раскрывается существо такого приоритета.

В результате изучения юридической практики и законодательства различных государств диссертант приходит к выводу, что в современном мире не существует единого механизма реализации предписаний международных норм в рамках национальных правовых систем. Каждое государство решает эту проблему самостоятельно, и разброс их итоговых решений в данном вопросе достаточно широк: от провозглашения приоритета применения всех международных правовых норм перед положениями внутренних законов и даже конституций, до признания возможности реализации внутри конкретной страны лишь их отдельных разновидностей в специально оговариваемых случаях и при соблюдении ряда условий.

Выбор той или иной схемы согласования международных и внутригосударственных правовых норм зависит от особенностей национального развития конкретной страны, ее исторических традиций, существующего в ней уровня правосознания и правовой культуры, разработанности ее законодательства, а также наличия разветвленной системы институционных органов, готовых и способных обеспечить реализацию международно-правовых предписаний на практике. По всем этим признакам государства еще довольно сильно отличаются друг от друга.

С другой стороны, осознание ими важности роли и значения международного права в современном глобализирующемся мире, привело к тому, что практически каждая страна стремится сегодня демонстрировать свое дружеское отношение к международным нормам и толковать в соответствии с ними положения своих национальных законов. Постепенное усиление «присутствия» международного права в национальных правовых системах приводит к тому, что в мире начинают формироваться общие подходы к определению критериев действия и применения международных правовых норм внутри государственных границ.

Наиболее важным среди них является требование самоисполнимости договорных международно-правовых предписаний. Оно, как правило, признается необходимым в любом государстве независимо от индивидуальных особенностей юридического механизма согласования международных и внутригосударственных норм, действующего в его национальной правовой

системе¹⁷. Каждое государство посредством судебной практики, устанавливает свои собственные критерии определения самоисполнимости международных договоров. Однако в целом эти критерии совпадают и включают требования об адресации положений договора субъектам национального права; об отсутствии необходимости издания имплементирующих или уточняющих договор внутренних нормативно-правовых документов; о способности договора служить основанием для вынесения индивидуального административного акта или судебного решения и некоторые другие.

Вместе с тем эти критерии не следует рассматривать как абсолютные, так как в юридической практике имели место случаи, когда адресованные правительствам положения договоров оказывались непосредственно применимыми, а адресованные индивидам – таковыми не признавались. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что в рамках одного и того же международного соглашения одни его положения могут быть признаны самоисполнимыми, а другие нет.

В числе других условий действия международных правовых норм в национальных правовых системах, получивших достаточно широкое распространение в современной юридической практике, можно назвать, в частности: признание необходимости ратификации и опубликования договоров, вносящих изменения во внутреннее законодательство; обязательность учета иерархической соподчиненности отдельных видов международных договоров конкретного государства; их соотносимость с его национальными правовыми актами различного уровня и др.

Существует большая степень уверенности в том, что с каждым годом эти критерии будут обретать все более четкие и определенные контуры, способствуя постепенной унификации процесса имплементации международных правовых норм в национальных правовых системах различных государств мира.

В **заключении** подчеркивается смысл проведенного исследования и кратко резюмируется его значение.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии

1. ООН и права человека: механизмы создания и осуществления международных нормативных актов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – 156 с. – 7,92 п.л.
2. Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем: Монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 216 с. – 13,03 п.л.

¹⁷ Исключение здесь составляют страны, которые в принципе не допускают возможности прямого действия международных договорных норм в рамках их правовых систем.

Учебные издания

3. Международное частное право. Курс лекций. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 276 с. – 15,96 п.л.
4. Международное частное право. Краткий учебный курс. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М), 2002. – 400 с. – 17,1 п.л.

Научные статьи и выступления:

5. Содействие ООН выработке межгосударственных соглашений в области прав человека // Проблемы российского государственного строительства и законодательства. Сб. научных трудов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. – С. 148-158. – 0,6 п.л.
6. Международный механизм контроля за имплементацией универсальных актов о правах человека // Московский журнал международного права. – 1995. – № 4. – С. 24-37. – 0,8 п.л.
7. Гражданско-правовое положение иностранцев в международном частном праве // Социально-экономические и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы и тезисы докладов к международной научно-практической конференции. Книга первая. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – С. 97-100. – 0,3 п.л.
8. Нормотворческая деятельность ООН в области прав человека // Проблемы российского законодательства: Сб. научн. трудов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – С. 87-101. – 0,9 п.л.
9. Вопросы совершенствования нормотворческой деятельности ООН в области прав человека // Проблемы российского законодательства: Сб. научн. трудов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. – С. 114-123. – 0,6 п.л.
10. ООН и права человека: механизм создания и реализации нормативных актов // Актуальные проблемы юридической науки и практики в условиях становления в России правового государства. Проблемы. Дискуссии. Поиски. Решения. – Владивосток: ООО Издательская группа «ВИТ», 1997. – С. 54-57. – 0,4 п.л.
11. К вопросу о правосубъектности физических лиц в международном праве // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 417-419. – 0,2 п.л.
12. Приморский край как самостоятельный участник международных связей (проблемы правового статуса) // Московский журнал международного права. – 1999. – № 1. – С. 142-147. – 0,3 п.л.
13. Европейская конвенция о правах человека и правовая система России: некоторые проблемы взаимодействия // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: проблемы реализации в России. Материалы Международного семинара (Нижний Новгород, 17-18 марта

- 1999 г.). Том 1. – Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1999. – С. 54-56.; XXI век: юридическая наука — практике (проблемы теории, законотворчества и правоприменения). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – С. 469-473. – 0,3 п.л.
14. К вопросу о видах и соотношении источников международного частного права // Международное публичное и частное право. – 2001. – № 1. – С. 50-56. – 0,5 п.л.
 15. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. – 2001. – № 2. – С. 39-61. – 0,8 п.л.
 16. Правовое регулирование деятельности международного коммерческого арбитража в Республике Корея // Московский журнал международного права. – 2001. – № 3. – С. 109-128. – 0,8 п. л.
 17. Роль института омбудсмана в защите прав и свобод молодежи в Российской Федерации // Конференция «Защита прав человека: защита прав студента и школьника» (сборник материалов) (в соавторстве). – М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2001. – С. 14-20. – 0,3 п.л.
 18. Роль и значение современного международного права в регулировании международных отношений // Международное публичное и частное право. – 2002. – № 3. – С. 3-8. – 0,5 п.л.
 19. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики // Московский журнал международного права. – 2002. – № 3. – С. 179-196. – 0,5 п.л.
 20. Арбитражная оговорка и определение применимого права в международном коммерческом арбитраже // Актуальные проблемы международного гражданского процесса. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург. 10-11 октября 2002 г. / Под ред. С.В. Бахина. – СПб., 2003. – С. 183-190. – 0,25 п.л.
 21. Действие норм международного права в правовой системе США // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 116-127. – 0,5 п.л.
 22. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права // Проблемы укрепления государственности и обеспечения верховенства закона. Материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной 45-летию непрерывного юридического образования в ДВГУ. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2003. – С. 3-12. – 0,5 п.л.
 23. Развитие концепции правовой системы в отечественной доктрине права: общетеоретический и международно-правовой подходы // Журнал российского права. – 2004. – № 1. – С. 76-87. – 0,6 п.л.
 24. Основные организационно-правовые аспекты осуществления иностранных инвестиций в Российской Федерации // Россия – Индия: 2003. К 10-летию индологии в ДВГУ. Материалы «круглого стола». – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2004. – С. 59-79. – 0,8 п.л.
 25. Предпосылки взаимодействия международной и национальных правовых систем // Право и политика. – 2004. – № 9. – С. 76-82. – 0,6 п.л.

26. Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права. — 2004. — № 11. — С. 98-112. — 0,7 п.л.
27. Развитие концепции правовой системы в зарубежной правовой доктрине во второй половине XX - начале XXI века // Московский журнал международного права. — 2004. — № 4. — С. 19-35. — 0,6 п.л.
28. Основные направления взаимодействия нормативных компонентов международной и национальных правовых систем // Право и политика. — 2004. — № 11. — С. 80-90. — 0,8 п.л.
29. К вопросу о взаимодействии международной и национальных правовых систем в контексте идеологии и правосознания // Контакт России и АТР в правовом дискурсе. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. — С. 47-56. — 0,5 п.л.
30. Теории согласования международных и внутригосударственных правовых норм // Государство и право. — 2005. — № 12. — С. 61-70. — 0,9 п.л.

Рецензии

31. Новое интересное начинание (Международно-правовые чтения. Вып. 1 / Отв. Ред. П.Н. Бирюков. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. — 272 с.) // Московский журнал международного права. — 2003. — № 4. — С. 284-285. — 0,1 п.л.

Учебно-методические пособия

32. Программа и планы семинарских занятий по курсу «Международное право» (в соавторстве). — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. — 25 с. — 1,2 п.л.
33. Программы специальных курсов по международно-правовым дисциплинам. Часть первая (в соавторстве). — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. — 36 с. — 2,09 п.л.
34. Международное публичное и международное частное право. Методические указания по подготовке к экзаменам и написанию курсовых работ (в соавторстве). — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. — 24 с. — 1,39 п.л.
35. Международное частное право. Программа курса. Планы семинарских занятий. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. — 28 с. — 1,6 п.л.

6 января 2006 г.